

Михаил
ПОПОВ

г. Архангельск

ЛЕЙТЕНАНТ АБРАМОВ ПРОТИВ АДМИРАЛА КАНАРИСА

1. ДОКУМЕНТЫ, ДНЕВНИКИ, РУКОПИСИ

Вместо оперсводки

Архангельск находился от фронта, если брать по прямой, на расстоянии 400 километров. По военным меркам – это глубокий тыл. Однако впечатление удалённости от боевых действий и безопасности было обманчивым. С самого начала войны немецкое командование проявляло пристальное внимание к промышленному и портовому центру, каким представлялись Архангельск и Молотовский судострой. Ведь не ради же буквенного созвучия Гитлер обозначил его, согласно плану «Барбаросса», верхней точкой линии «Архангельск – Астрахань», на которую планировалось вывести войска вермахта за летне-осеннюю кампанию 1941 года.

Внимание врага к Беломорью заметно усилилось, когда в Архангельск прибыл «Дервиш» – первый караван судов антигитлеровской коалиции, доставивший в Страну Советов вооружение, амуницию и продовольствие. Это случилось 31 августа 1941 года. Стратегический «мост», открытый

союзниками, привёл Гитлера в ярость. Зато коалицию это событие ободрило, давая основание расширять сотрудничество. Советское правительство, поблагодарив США за военные грузы, полученные по ленд-лизу (т. е. займы), поставило перед союзниками прямой вопрос: когда будет открыт «второй фронт»?

Гитлеровская Германия, подмявшая под себя всю Европу, качала из неё вооружение, технику, солдат. Львиная доля материальных и людских ресурсов обрушивалась на Красную армию. Советский Союз по сути в одиночку отражал вторжение фашистских полчищ, сдавая боевые позиции под ударами превосходящих сил. Отступление шло по всему фронту от Чёрного моря до Балтики. Учитывая тяжелейшее положение, Сталин обратился к премьер-министру Великобритании Черчиллю с предложением включиться в войну на советско-германском фронте, не дожидаясь официального открытия «второго фронта»: «Англия могла бы без риска высадить 25-30 дивизий в Архангельске...»

Это послание было передано по спецканалу 13 сентября 1941 года. То ли немецкая разведка что-то пронюхала, то ли сами союзники намерен-

но допустили утечку информации, чтобы не подвергать себя лишней опасности: одно дело – поставки оружия и техники, другое – живой силы... Так или иначе, интерес к Архангельску у германского командования повысился. Об этом свидетельствовала активизация абверовской агентуры – как законспирированной, так и забрасываемой вновь. Но особенно внимание к Русскому Северу возросло у немцев после их поражения под Москвой. Не сумев проломить оборону в центре России, Гитлер устремил свои главные силы на юг – к Сталинграду и далее – к нефти Каспия. А чтобы добиться решающего перевеса, ему требовалось перекрыть артерии, подпитывающие Красную армию через северные порты, куда прибывали караваны с грузами союзников, т. е. Северную и Мурманскую железные дороги.

24 августа 1942 года в ставке Гитлера состоялось расширенное совещание. Загребущие руки фюрера повторяли направления стратегических стрел: одна пересекала Волгу, другая – Северную Двину. Захватить Мурманскую железную дорогу и овладеть Вологодой – такую задачу он поставил перед вермахтом на северном фланге.

В тот же день авиационная армада люфтваффе взяла курс на Архангельск и совершила невиданный доселе налёт. 42 бомбардировщика Ю-88 шесть часов кряду бомбили северный порт. На город обрушились десятки фугасных и тысячи зажигательных бомб. Было много погибших, деревянный Архангельск пылал.

В эту же пору на пространства Русского Севера были заброшены многочисленные группы немецких разведчиков и диверсантов. В Архангельской области, как впоследствии оказалось, наибольшую опасность представляли парашютисты двух из них – «Тенно» и «Раев».

Укомплектованные опытными разведчиками абвера – немцами, финнами и эстонцами, – они приземлились в районе станции Коноша. В их задачу входило: разведка Северной железной дороги, её пропускной способности, количества и характера грузов, степени вооружения охраны, расположения воинских частей в районе Каргополя и – что самоестораживающее – поиск естественных площадок для высадки воздушных десантов.

Планы у абвера (шеф – адмирал Канарис и начальник сети разведшкол в Финляндии и Эстонии – капитан 2-го ранга Целлариус) были широкие и разнообразные. Достаточно упомянуть, что в тяжёлых грузовых парашютах, сброшенных одновременно с разведчиками-десантниками, оказа-

лись комплекты английского обмундирования. Это можно было истолковать как провокацию или отвлекающий маневр. Но скорее всего, «маскарад» входил в план абверовской операции. То есть немецкие агенты под видом британских «томми», снабжённые соответствующими документами¹, могли под видом союзников передвигаться по Северной магистрали и в Архангельск, и в Вологду.

Выброски парашютистов не прекращались всю осень. 1 сентября 1942 года возле д. Часовенская под Архангельском приземлился разведчик по кличке Филипп, выпускник Таллинской школы абвера, бывший красноармеец, попавший в плен в августе 1941 года, кстати, уроженец Архангельска.

5-го, а затем 16 сентября произошли подрывы товарных составов у разъезда Шелекса Плесецкого района².

Весь сентябрь, октябрь и начало ноября велась охота за разведчиками групп «Тенно» и «Раев».

23 января 1943 года были сброшены парашютисты в районе Малых и Больших Корел. На следующий день – в районе Няндомы.

22 и 23 мая – ещё одна группа приземлилась в районе Нижней Золотицы.

Задачи лазутчикам ставились разные: подготовка мест высадки крупных десантов; диверсии на Молотовском судостроительном и тамошней ТЭЦ; проникновение в лагеря, чтобы спровоцировать восстания заключённых; а ещё проверка наличия в Архангельске и в окрестностях английских воинских частей...³

Обстановка была крайне тревожной. Она требовала неусыпной бдительности, усиления оперативной работы и соответственно укрепления кадров контрразведки. Одним из тех, кого весной 1943 года мобилизовали на службу в Отдел

¹ Небезызвестный Шелленберг, шеф 6-го отделения СД, в своих мемуарах хвастался, что его спецы достигали совершенства в подделке документов: американцы, взявшие его в 1945 году в плен, не могли поверить, что у него фальшивый паспорт гражданина США.

² Где-то в этих местах в ту пору трудились на лесозаготовках мои будущие родители.

³ Не исключено, что активность абвера по поводу британских войск подогревалась ходившими в Архангельске слухами. И в 41-м, и в 43-м годах обыватели поговаривали, что город будет сдан в концессию англичанам (см. «Двина», № 2, 2009). Не исключено также, что эти слухи были дезинформацией, активно внедряемой нашими спецслужбами, чтобы ловить на эту «дезу» вражеских агентов.

контрразведки НКО «Смерш» Архангельского военного округа, стал Фёдор Абрамов.

Послужной список до «Смерша»

После тяжелейшего ранения под Ленинградом Фёдор Абрамов долго лечился в военных госпиталях Ленинграда, а потом г. Сокол Вологодской области. В апреле 1942 года ему дали отпуск по ранению. Три месяца он прожил на родине, в Верколе, трудясь учителем в школе и на колхозных полях и лугах. А 27 июля вновь был призван на военную службу. К строевой он был годен с ограничением. Его направили в 33-й запасной стрелковый полк Архангельского военного округа, назначив как человека с незаконченным высшим образованием заместителем политрука роты. Стало быть, через месяц Абрамов испытывал в полной мере самые страшные бомбардировки и, находясь в тылу, мог погибнуть, как погибли в августе десятки жителей Архангельска. В те жаркие дни роту и весь полк наверняка поднимали по тревоге – тушить зажигалки, расчищать завалы и ловить пособников-осветителей.

1 февраля 1943 года старшего сержанта Абрамова перевели в Архангельское военно-пулемётное училище и назначили помощником командира взвода. Он – фронтовик, стоявший насмерть под Ленинградом, боец опытный, и ему есть что передать из своих оплаченных кровью навыков ещё не обстрелянным бойцам. Таковы были основания для перевода.

Как сложилась бы дальнейшая судьба Фёдора Абрамова, если бы его служба в училище продолжалась хотя бы до лета 1943 года? Не исключено, что вместе с выпуском он отправился бы в действующую армию – не по приказу, так добровольно, он ведь был горячий, сердце его пылало ненавистью к захватчикам. А там что? Впереди Курская битва, в которой мало кто уцелел. Но судьба распорядилась иначе. Фёдор Абрамов стал бойцом невидимого, но не менее опасного фронта.

«Разговоры с Краусом...»

Участвовал ли Абрамов в розыске, поимке шпионов и диверсантов? В захвате, возможно, нет. Но в допросах, в следствии, в психологической обработке и склонении к сотрудничеству – безусловно. Вот фрагмент из его дневника, где отражаются события осени 1943 года. Примечательно, что запись сделана только 23 января 1944

года. Раньше, видимо, просто руки не доходили, столько было работы.

Весь октябрь минувшего года следователь «Смерш» Абрамов находился в командировке в Вологде. «Там я пробыл до 5 ноября, вначале допрашивал радистов, а потом – с противником...» То есть вёл радиоигру (по-немецки *funkspiele*), передавая радиоцентру немецкой разведки абвер в Таллине дезинформацию.

По всей видимости, его работа была составной частью большой, хорошо спланированной операции под кодовым названием «Концерт», которую северные чекисты вели с июня 1943 года до конца января 1944 года. Радисты же, о коих упоминает Абрамов, скорее всего были те, которых абвер забросил в ночь на 16 октября 1943 года в районе станции Вожега, на границе Архангельской и Вологодской областей. Пятеро парашютистов должны были выбрать место для высадки большого десанта диверсантов и крупного груза.

Бывшие бойцы Красной армии, угодившие в плен летом-осенью 1941 года, они прошли курс Таллинской разведшколы. Готовя их, как и других пленных, к действиям против Родины, адмирал Канарис и его сподвижники руководствовались нацистской убеждёностью, что большинство населения страны настроено против Советской власти. Дескать, стоит поднести спичку, как запылает пожар восстания. А уж пособников на ещё не занятой территории СССР засланные диверсанты и шпионы найдут наверняка. Плохо же враги знали русский народ и русскую душу! Ничему их не научила история прежних нашествий! А ещё просчитались эти изощрённые мастера разведки и подрывной деятельности – Кальтенбруннер, Шелленберг, Канарис... – в том, что на пути их диверсантов и шпионов вставали такие бойцы, как лейтенант Абрамов, истинные патриоты, аналитики и психологи.

Вот и на этот раз враг просчитался. Все пятеро парашютистов признали свою вину, покаялись и согласились участвовать в радиоигре.

Первая радиограмма ушла в эфир 20 октября. Не исключено, что текст её составлял лейтенант Абрамов: «Приземлились благополучно. Долго собирались. Место подготовили. Ищите три костра, расположенных треугольником в верховьях реки Вожега». Ответа не последовало. Прошли сутки, другие. Ожидание достигло предела. Неужто не поверили? Неужели какой-то промах? Наконец 25 октября Таллинский центр вышел на связь и передал время десанта. К встрече незваных, но зазванных гостей наша контрразведка подготовилась тщательно. Погода благоприятствовала. Во мраке ночи запылали

опознавательные знаки. Десантный самолёт вышел на место в назначенный срок. Парашютисты выбросились. А внизу... их уже поджидала засада. В эту ловушку попали 14 диверсантов, один из них при захвате застрелился.

6 ноября следователь Абрамов, согласно записи в дневнике, выехал в Архангельск. Вероятно, для отчёта о проделанной работе. Но 11 ноября он снова был в Вологде. В этот день в западню «Смерш» попала ещё одна группа диверсантов.

В ходе всех этапов операции было захвачено 4 ручных пулемёта МГ-33, 12 «шмайссеров», 21 винтовка, ящик мин, полтонны взрывчатки... Какой урон был бы нанесён военному хозяйству, кабы весь этот динамит шархнул!

В те дни у лейтенанта Абрамова прибавилось работы: допросы, очные ставки, работа с документами, сверка показаний и т. д. и т. п. Вот что он отмечает в своём дневнике: «До 1 декабря работал с радистами... 1 декабря направили в Харовскую «для разговоров с Краусом...» Кто такой Краус? Захваченный диверсант? Шпион-радист? Тогда почему его не доставили в Вологду, как других? Скорее всего, это был радист, находившийся в Таллине, т. е. визави Абрамова, стилизуя его дневниковую манеру той поры. В тот день, 1 декабря 1943 года, Абрамову предстояло очередное радиорандеву, а передачу надо было вести из условленного места в районе станции Харовская.

Кто он?

За два с половиной года службы в «Смерш» Абрамов был свидетелем и участником многих подобных событий – захватывающих, полных детективного напряжения, подчас смертельно опасных. Однако для своего повествования о войне он выбрал совсем не героический эпизод её – гибель партизанского отряда на Брянщине, которую ему пришлось расследовать. Почему именно эта история стала центром его незаконченного повествования «Кто он?»? Только ли потому, что это было одно из первых дел, если не самое первое в его следовательской судьбе, и что тут раскрылись его аналитические способности? Нет, конечно. Готовясь к работе, Абрамов ведь планировал не детективный роман, а широкоохватную панораму народной драмы. С историей отряда представала картина священной войны, её трагизм и величие, подобные Отечественной войне 1812 года, отражённой Л. Н. Толстым. Эта драма давала писателю возможность

представить живой механизм войны, охватившей огромную территорию и захватившей множество самых разных характеров и судеб.

Здесь – партизан Григорий, обвиняемый в предательстве и гибели отряда; его жена Мария, самоотверженно защищающая мужа от клеветы; настоящий предатель, обнаруженный в ходе следствия, не менее трагическая фигура. Здесь – сотрудники «Смерша»: генерал Головачёв – начальник отделения, его заместитель – подполковник Васильев, руководители отделов, следователи – Перов, Кошкарёв, Буев, Рюмин, Скнарин, Алексеев... – фигуры реальные и вымышленные, названные подлинными именами и псевдонимами. Ещё один персонаж – Фаина Раус, сотрудница отделения, с нею связана лирико-драматическая линия задуманного произведения. А в центре повествования, ведущегося от первого лица, – он, рассказчик, точнее исповедник, который спустя годы возвращает памятью во времена военной юности и судит себя, прежде всего себя, судом чести. Ему, молодому следователю, обещан орден («грудь в крестах»), если он доведёт до логического конца дело о мнимом предателе, подчистив нестыковки, которые допустил «вологодский следователь». А он в ходе следствия обнаруживает, что это не просто нестыковки, а явный оговор, подтасовка фактов, но открытие истины грозит лично ему второй частью поговорки («голова в кустах»).

Задача, которую ставит себе писатель, сформулирована в дневнике за 14 февраля 1969 года: «Поиски преступника истинного, поиски истины и поиски самого себя.

Кто ты? – этот вопрос относится и к преступнику, и к самому следователю.

Кто ты? Что ты за человек? И вообще что такое человек?»

Вот какими вопросами мучил себя до конца своих дней Фёдор Александрович Абрамов.

Разные судьбы

Вопрос, который ставил Абрамов в заглавии повести, в полной мере относится к тому, кто выдал партизанский отряд немцам. Первоначальное восприятие – предатель, враг – сменяется у писателя осмыслением его судьбы.

Выходец из крепкого крестьянского рода, он не был от рождения изменником. Его воспитывали в любви к землепашеству, к отчему краю, его учили заветам пращуров, а в церкви наставляли беречь душу живу. Отец его, справный хозяин, пользовался уважением и почётом общины. Но пришли

иные времена, новая власть объявила отца кулаком, лишила пашни, живности, нажитого имущества и пустила семейство по миру. Наследник крестьянского рода пытался приноровиться к новой жизни, однако клеймо кулацкого отпрыска, сына мироеда не давало ему никаких надежд. Его повсюду гнали, травили, обкладывали красными флажками. Он начал огрызаться, показывать зубы. А когда заматерел, то стал настоящим волком-оборотнем, ненавидящим новую власть, которая исковеркала его жизнь, и мстил ей до последнего вздоха. Абрамову была понятна и в чём-то близка эта человеческая трагедия. Ведь в начале 30-х годов, ещё мальчонкой, и он испытал свирепую сущность пролетарской диктатуры, которая выставила его мать, вечную труженицу, едва не в подкулачники.

По-своему изломанные судьбы встречались и среди контрразведчиков, хотя внешне иные и выглядели вполне благополучными. Особое внимание Абрамов сосредоточил на одном из таких людей – подполковнике Васильеве. Не ведая всей его подноготной (см. послесловие), Абрамов обострённым чутьём писателя почувствовал, что это человек с двойным дном, типичное порождение партийно-догматических установок, приспособленец, карьерист, расчётливо скрывающий свою истинную суть. Помещая Васильева в центр повествования, Абрамов определил его антиподом повествователя, а потому не жалел красок, чтобы добиться убедительности, объёмности и полновесности этого образа.

А ещё одна судьба – как знак, как тавро времени – в записях писателя не отмечена, но вполне могла возникнуть в ходе задуманного произведения, поскольку была ведомо ему.

Юноша семнадцати лет завершает учёбу. У него самая мирная профессия – акушер. В качестве преддипломной практики он уже принял 15 родов. При этом сам ещё невинен, хотя, напуская вид, ёрничает по-латыни: «Омнэ анималь пост коитус тристе эст, низи гальюс аткве студиозус гратис адмисус». Директор фельдшерско-акушерской школы предрекает ему блестящую карьеру. Дядя, главврач больницы, готов на первых порах помочь племяннику. Словом, всё сулит счастливое будущее.

И вдруг – поворот. Его вызывают в госорганы и предлагают секретную службу. Спрашивается, с какой стати? Он ведь не из тех юнцов, которые, начитавшись книжек про Шерлока Холмса или Ната Пинкертон, грезят о карьере разведчика. Он вполне земной и уже определившийся в жизни человек. Его терпеливо выслушивают, однако

дают понять, что выбора у него нет. Это тот случай, о котором возвещает пионерский лозунг: «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим!»

Причина поворота человеческой судьбы, как впоследствии оказалось, заключалась в сходстве: юноша как две капли воды походил на сына одного белогвардейского офицера, чья семья после Гражданской войны оказалась в Харбине. Семью эту предполагалось ликвидировать, а юношу выдать за якобы уцелевшего в катастрофе или поджоге офицерского сына и затем внедрить его в военную организацию эмиграции и далее – в Гоминдан, буржуазно-помещичью партию Китая, противостоящую народно-освободительному движению.

В чьём изощённом мозгу возник этот хитроумный план, теперь не определить. Подобные игры с двойниками велись во всех странах и во все времена, становясь достоянием книг и кинофильмов. Но здесь страшно то, что в придуманную кем-то авантюру втягивали ещё мальчишку – не окрепшего ни физически, ни морально человека, к тому же сироту.

Старшая сестра, когда юнец принёс домой подъёмные – крупную сумму денег, которых она не зарабатывала и за год, – всплеснула руками, решив, что брат ступил на скользкую дорожку. Юлить он не умел, а говорить правду не имел права, и её подозрительно-недоверчивый взгляд сопровождал бедолагу до самого отъезда.

Потом был Сыктывкар, глубинка Коми Республики. Для прикрытия легенды использовался фельдшерский домик, где велась непрерывная учёба. Два коренных китайца, основные инструкторы, занимались с ним сутки напролёт, с шести утра до полуночи: учили китайскому языку, обычаям, нравам, манерам. В программу также входило владение оружием, тайнопись, умение ориентироваться по карте и т. д. и т. п.

За год натаски юноша во многом поднатерел. Однако постигая новое, всё отчётливее осознавал, что предстоящих испытаний ему не выдержать, что он непременно провалится, выдав себя не в том, так в другом. И как финал ему представлялась старинная китайская казнь: приговорённого сажают на побег бамбука, который вырастает за сутки на десять сантиметров...

Сколько раз он просыпался в липком поту. Срок курса подходил к концу – кошмары учащались, а надежды таяли. Спасла его от неизбежного (не было бы счастья...) начавшаяся война.

С первых дней немецкого нашествия юноша

стал проситься на фронт. Рапорты его, конечно, не воспринимали: сиди и не рыпайся. Но с началом боевых действий на западе восточное направление перестало быть актуальным. И вскоре его всё-таки освободили от той воистину смертельной повинности, отправив служить в запасный полк.

Вот такая история как знак времени вполне могла появиться в повествовании Абрамова, поскольку была ему известна, а к 70-м годам уточнена до подробностей.

2. СВИДЕТЕЛЬСТВО СОСЛУЖИВЦА

В гости к Фёдору-младшему

Этот снимок сделан 9 мая 1945 года в Петрозаводске. Трое сослуживцев Беломорского отделения «Смерш», трое товарищей – Фёдор Абрамов, Фёдор Ястребов и Василий Новосёлов. Фотографировал троицу один из них – Фёдор-младший. В ту пору ему было всего 22 года, и выдержки в три секунды ему вполне хватило, чтобы, нажав спуск служебного ФЭДа, занять место в кадре позади товарищей.

Октябрь 2009 года. Город Выборг. С автовокзала еду по адресу. Остановку ненароком путаю. Иду дальше пешком, уточняя путь у встречающих. Вот маленькая, чуть покатая улочка. Справа – тёмно-зелёный одноэтажный дом, обращённый на улочку боком. Между окнами мемориальная доска, извещающая, что под этой крышей накануне Октябрьского восстания скрывался от охраны Временного правительства Ленин. Неожиданное открытие вызывает ассоциации. А ведь до известной степени Ленин тоже был разведчиком. Конспирация, тайные переходы границы, схроны и тайники, грим и перемена обличья – всё, что свойственно персонам, исполняющим тайные операции, было и в его судьбе. Для врагов – шпион. Для своих – разведчик, агент, человек на нелегальном положении.

Ветер памяти на миг уносит почти на сто лет назад, в начало XX века, а ветер реальный, кинув в лицо бурый кленовый лист, возвращает в начало века XXI. Поворот налево. Справа – частная парикмахерская «Линна» как напоминание о финских истоках города и нового погружения в капитализм. В провинции перемены не столь бросаются в глаза, как в центрах, в том же ближнем Петербурге, однако тоже имеются, представляя собой некий стандартный набор: вот вещевого рынок

Фёдор Абрамов (слева) с боевыми товарищами – Фёдором Ястребовым (стоит) и Василием Новосёловым. Петрозаводск. 9 мая 1945 года

«Южный» с соответствующим южным (китайским) акцентом; вот игровой клуб «Вегас» – один из тех, которые власть всё сулится закрыть; вот вывеска автосалона «Рено», которая количеством французских букв соответствует нашему «Москвичу»...

Проспект Победы, широкая магистраль неожиданно завершается полутупиком: несколько новоделов-особняков, словно скальные породы, перегораживают течение, и она истончается, устремляясь в правую сторону. Тоже символично.

Нужный дом – стандартную пятиэтажку – нахожу быстро. Поднимаюсь вверх. Открывает двери... сам Ястребов. Лицом он особо не изменился, профиль по-прежнему соответствует фамилии. Речь чёткая, интеллигентная, рукопожатие крепкое. Единственно, что подводит – замечаю по походке – ноги. Но сила духа, но память – те ещё! Представьте себе человека без малого 90 лет, ко-

торый способен общаться, не теряя нити разговора, чётко отвечая на вопросы, 16 часов кряду. Именно так! Мы проговорили с Ф. И. Ястребовым с 11 утра до 3 часов ночи без перерыва. И даже во время обеда, который приготовила его супруга Татьяна Александровна, не прекращали беседу.

Всего, чего касался в своем рассказе Фёдор Иванович, не пересказать: и по причине формата очерка, и по причинам иным. Но кое-что, прольющее свет на менее известный период жизни Фёдора Абрамова, изложу.

Перекрёстный «допрос»

Отдел «Смерш» находился на проспекте Павлина Виноградова (теперь вновь Троицком) возле мединститута. Это было двухэтажное деревянное здание П-образной формы, фасадом обращённое к магистрали. В повести «Кто он?» Абрамов, описывая кабинет следователя, называет подвальное помещение похожим «на гроб». Возможно, речь идёт о другом здании, где он очутился вначале, когда был назначен оперуполномоченным, его кидали «на ловлю дезертиров», и он, как «топтун», «ходил по дворам, по помойкам». А в художественном произведении решил сохранить картину первого кабинета, дабы усилить драматизм положения главного героя. Кабинеты же следователей контрразведки, в том числе Абрамова, находились, по свидетельству Фёдора Ивановича, на втором этаже здания.

К той поре, когда в «Смерш» прибыл Ястребов, Абрамов был уже опытным «кадром». Как, впрочем, и Новосёлов. Потому на выучку новичок был приставлен именно к ним. Первое собеседование было строгим, и не только – кто? откуда? «чей ты родом?». Лейтенанты устроили парню перекрёстный «допрос»: дескать, почему он рядовой, когда все следователи – офицеры? За какие такие заслуги удостоился столь высокого звания? Не связано ли это с какими-то антропологическими особенностями? Последнее умозаключение сделал Абрамов и протянул Федюшке свою фуражку. Она оказалась тому впроку. Абрамов удовлетворённо хмыкнул: «Недостаток извилин может превосходно компенсировать объём мозга». А когда тут же проэкзаменовал подопечного по литературе и русскому языку, младший Фёдор почувствовал, что первое испытание он выдержал.

Уроки Фёдора-старшего

Начались следовательские будни. Сидя в кабинете то Абрамова, то Новосёлова, Ястребов присутствовал при допросах. Абрамов с подследственными, какой бы перед ним ни оказывался «фрукт», держался ровно, голос не повышал, как подчас делали другие следователи, не выносившие запирательства или намеренно форсировавшие признание. Раскрыться заблудшему или уличить явного противника ему помогали знания психологии, обрётённые на житейских путях-перепутьях, на студенческой скамье, на фронте и, безусловно, ниспосланные свыше как составная часть писательского дара. А вести строгий спрос с изменников, предателей и пособников врага ему давало право солдата, пролившего кровь за Родину.

Два следственных дела, которые Абрамов доверил стажёру после двух недель «натаски», касались дезертиров. Сбежавшие с фронта П. и К. не запирались – со следствием, которое вёл Ястребов, сотрудничали. Однако того, на что они рассчитывали, – отсидеться до конца войны в лагере, не вышло: суд направил их обратно на фронт, в штрафную роту. Шла война, и законы её были суровы.

Следующее дело, которое опекуны передали стажёру, привело Федюшку в смятение. Подследственной оказалась молодая особа Женя К. Увидев Ястребова, который на минуту заглянул в кабинет, где шёл допрос, она обмолвилась, что с этим молодым человеком танцевала в гарнизонном Доме офицеров. «Вот и разбирайся, танцор!» – хмыкнул Новосёлов, передавая ему папку с документами. Приняв дело, Ястребов стал припоминать. Не умевший танцевать, он помнил все свои «дефиле» на паркете ДОФа. Однажды он набрался храбрости и пригласил на танго писаную красавицу да к тому же офицера – старшего лейтенанта с орденом Красной Звезды и двумя медалями «За боевые заслуги» на высокой груди. Но мог ли он вообразить, что та красавица и эта подследственная, увиденная мельком, – одно и то же лицо, до того изменила её тюрьма: она была измождена, обтёрхалась, от грязной одежды дурно пахло.

Через час-другой, когда Ястребов ознакомился с документами, к нему в кабинет наведалься Абрамов. Во всей этой истории, объяснил он, больше виновата не она, эта запутавшаяся особа, а фигурирующий в деле полковник, для которого она была ППЖ – походно-полевой женой. Почему он отправил её в тыл? Решил избавиться? Не исклю-

чено. Бывает, и красавицы надоедают, поскольку за внешней формой у иных никакого содержания. Не исключено также, что полковник получил за неё внушение по партийной линии. Но скорее всего, на его решение отослать подружку с фронта повлияло предстоявшее широкомасштабное наступление. Полковнику стало жалко девицу, и, чтобы она не погибла в военной коловерти, он спровадил её в тыл. А в знак благодарности выправил «не по чину» офицерские погоны и незаслуженные награды.

Прояснил Абрамов стажёру эту историю и посоветовал, прежде чем заводить разговор, как следует отмыть подследственную. Так Ястребов и поступил. Он отвёз Женю К. в санпропускник. Там она попарилась, ей выдали чистое бельё. И она пусть и не засияла прежней миловидностью, но хотя бы ободрилась и, благодарная за элементарное участие, рассказала о себе всё без утайки. Срок за содеянное Женя К. всё-таки получила, но благодаря добросовестно и тактично составленному следственным заключению самый минимальный, который полагался по отмеренной ей статье.

Затем начинающему следователю стали поручать дела изменников и предателей – тех, по чьему иудиному слову попадали в засаду партизанские отряды, гибли подпольщики... Они юлили, пытались запутать свои следы, сваливали вину на других. Слушать их было противно, видеть – отвратительно, и это не мог скрыть молодой следователь. Тут опять вмешался Абрамов. На правах старшего – и по возрасту, и по званию – он остудил излишнюю горячность тёзки, а подметив пристрастное отношение к некоторым субъектам из этой категории, сказал так: «Не торопись, Федюша, ведь тут – человеческая судьба. Изучай обстоятельства падения обвиняемого, пристально всматривайся в предысторию преступления, осмысливай подоплёку. Могут быть смягчающие вину мотивы и ситуации. Будь честным и объективным».

Нахлобучка

Абрамов относился к тёзке как к младшему брату. Наставлял, советовал, разбирали ошибки, учил профессиональным навыкам и вообще уму-разуму. Нагоняй от него Фёдор-младший получил дважды, по крайней мере так запомнилось. Один случай был связан с подследственным. Русский парень, угодивший к немцам в плен, окончил школу абвера и при заброске сдался властям. В коридорах «Смерша» и в кабинетах

следователей висели предупреждающие плакаты: «Не болтай!», «Проявляй бдительность!», «Болтун – находка для шпиона!» Но то ли тихий свет белой ночи и незаходящее солнце, то ли горькая судьба этого парня, почти одногодка, но Федюшка до того расслабился, что отправился со своим подследственным на берег Северной Двины. Они любовались половодьем, ясными далями, оживающей зеленью – всем тем, что особенно волнует и будоражит юное сердце. Но ведь шла война. Узнав о происшествии, Абрамов устроил Федюшке настоящую головомойку, назвал слюнтяем и сопляком. Впрочем, разнос длился недолго. Увидев смятение в глазах Федюшки, заметив, как тот весь сжался, виновато склонил голову, Абрамов вскоре остыл и строгонастрого велел о случившемся никому больше не рассказывать.

Другая история произошла в Кеми, куда на исходе войны перебазировался Беломорский отдел «Смерша». Обустроившись, сослуживцы решили справить новоселье. В магазин, естественно, наладили самого младшего – Федюшку. Тот выполнил боевую задачу на сто с хвостиком, вернее, с двумя. Он не только отоварился по талонам «сучком» – разливной водкой, но сманил за собой двух ручных медведей, которых местное население приохотило к спиртному. Появление рослых зверей, внезапно ввалившихся в общежитие, вызвало у офицеров, мягко говоря, переполох. А Абрамов за эту проделку едва не накостылял тёзке.

На голодном пайке

Следователи «Смерш» пропадали на службе сутки напролёт и при этом были вечно голодными. Вспоминая те годы, Фёдор Абрамов не скрывал горечи.

«Солженицын говорит, что чекисты хорошо ели, легко работали. Может быть, в лагерях – да. А у нас в округе – ужас. Как раз наоборот, в воинских частях офицеры не голодали. Им перепало с солдатской кухни. А нам – нет. Правда, генерал и Васильев были сыты. И начальники отделений». (Запись от 31 декабря 1967 года.)

Молодой следователь, герой повести «Кто он?», до известной степени прототип самого Абрамова, от голода вынужден украдкой подбирать объедки со стола начальства, вызывая тем самым презрение уборщицы.

Норма питания в их службе была самая низкая – третья. Вот что вспоминает Фёдор Ястребов, пе-

речисляя столовские сутки. Завтрак: винегрет из картошины, солёного огурца, репчатого лука и ещё чего-то неопределённого и малосъедобного; к этому прилагался кусочек хлеба, 150 граммов, и жидкий чай. Обед – одно название. На первое – гороховый суп-пюре, где плавали три-пять горошин, сдобренный слегка поджаренной мукой, либо овощной супец с кусочком солонины, либо крупяная болтушка. На второе обычно – гороховая размазня. На третье – тот же полуспитой чай или компот, к которым иногда добавляли кусочек белого хлеба. Ужин мало отличался от завтрака: пшёнka или перловка с каплей растительного масла плюс чай с кусочком сахара и ломтиком ржаного хлеба.

Начальство знало, что подчинённые живут впроголодь. Однако пересмотра норм питания не добивалось. А чтобы стимулировать подчинённых на увеличение продолжительности рабочего дня – даром что они и так не высыпались, – ввело своеобразный полуночник: около трёх часов ночи дежурная по пищеблоку приносила в кабинеты работающих следователей «стакан крепко заваренного чаю, очень сладкого, и пару кусков хлеба».

Фёдор Иванович вспомнил, как осенью 1944 года Абрамову с оказией прислали из деревни трёхкилограммовый мешочек овсяной муки. Потянулись к нему всей компанией. Но что такое три килограмма продукта даже для трёх голодных ртов?! Умяли – не заметив. Причём как? Почти «гольём». Размачивали муку в воде до состояния плотного теста, скатывали в колбаски или притяпывали, как лепёшки, и ели. Голод-то не тётка.

Сам же Федя-младший от постоянного недоедания однажды забрёл в какую-то столовую, откуда доносился дивный запах. И только когда, сев за стол, услышал чужую речь, понял, что это столовая для иностранцев, а с ним за столом семейство из английского консульства – отец, мать и дочка. По тем суровым временам несанкционированная встреча с союзниками считалась ЧП. Так и оказалось. Подтверждением тому стал «хвост», который Федюшка обнаружил, когда, всё-таки пообедав, вышел на улицу. «Вела» его девушка-опер из их же «конторы». Она, естественно, доложила о происшествии своему начальству. На Ястребова чуть было не завели дело. Хорошо, друзья встали на защиту.

Сила авторитета

На завершающем этапе войны Абрамов слыл в служебных делах авторитетом и держался со всеми весьма независимо и свободно. Во всяком

случае перед старшими по званию во фронт не тянул, начальство глазами не ел. Форме, формализму, догме предпочитал конкретное живое дело.

Однажды, как вспоминает Ястребов, вместо протокола очередного допроса Абрамов отсутствовал на «Ундервуде» пародию на служебное заседание, до того ему обрыдла рутина. В этом «шаржированном гротеске», как определил жанр сочинения сам автор, приводились весьма неличеприятные характеристики, притом не только тех, кто был на одной с ним ступеньке служебной лестницы – досталось и начальству.

На политзанятиях, нудных и скучных, свою очевидную пассивность Абрамов однажды оправдал, выложив в качестве козыря ключ к немецкому коду. Над этим кодом ломал голову целый отдел, неделю бился. Абрамов же нашёл разгадку секрета на проработке очередного партийного рескрипта, словно демонстрируя начальству, что делом надо заниматься, а не политические лясы точить.

Поговаривали, что Абрамов ведёт дневник. Личные записи, связанные со службой, вести в «Смерше» запрещалось. За этим бдительно следил капитан Тропников, особоуполномоченный. По свидетельству Ястребова, это был недалёкий человек, службист и формалист, не вызывавший ни уважения, ни тем паче симпатии. Жена его, неопрятная бабёшка с вечной шелухой от семечек на губе, содержала во дворе Отдела личный огород. Следователи из окружения Абрамова своё отношение к её «кулацким замашкам», к ней самой, а отчасти, значит, и к её супругу выражали тем, что стряхивали на грядки пепел, бросали туда окурки и плевали.

Но таким ли уж простачком и «валенком» был Тропников?

И так ли уж безрассуден был Абрамов?

Тропников знал, что Абрамов ведёт дневник. Более того, 21 августа 1943 года около полуночи он застал Абрамова за очередной дневниковой записью. А что же Абрамов? Стушевался? Стал отпираться, божиться, что подобное впредь не повторит? Он ведь к той поре, к началу карьеры следователя, ещё не имел последующего авторитета. Ничуть не бывало – от дневника Абрамов не отказался. А после ухода особиста записал следующее:

«Сейчас заходил Тропников. Он увидел, что я пишу дневник. Рассказал ему пару случаев из деревенских походов. Он внимал мне как художнику.

Тропников сделал правильное замечание, что в силу известных причин дневник чекиста бесцветен. Я ответил, что довольствуюсь фиксацией внешних вех моей жизни. Так оно и есть».

Насчёт только «внешних вех» Абрамов явно поскромничал, о чём свидетельствуют ранее

приведённые записи о радиоиграх. А что касается в целом этой заметки, то, думается, молодой следователь тут сделал правильный психологический расчёт. Он упредил возможные санкции особоуполномоченного рядом пунктов: во-первых, фиксацией некоей приватной беседы, где есть налёт лёгкой бравады и интимности; во-вторых, почти комплиментом Тропникову как внимательному слушателю, что изодранный дознаватель тех времён мог перетолковать даже в пособничество; в-третьих, особой доверительностью («сделал правильное замечание»), что тем же спецом по выкручиванию рук, новоделанным Малютой, могло быть истолковано как потеря бдительности, ведь этот дневник следовало «пресечь на корню». Короче, Тропников, дай он делу ход, сам бы мог погореть за «несоответствие».

Вот что, думается, держал в уме Абрамов, когда делал ту запись. Попав на службу в «Смерш», он своим пронзительным умом живо определил, с кем служит, кто чего стоит, чего от кого ожидать. Были рядом настоящие офицеры, люди чести и долга, но были и карьеристы, которые ради своей выгоды могли не пожалеть и чужой крови.

История с пистолетом

Жили следаки, точнее, ночевали в одном из общежитий АЛТИ, что стояли на Северодвинской, бывшей Часовиковской, а ещё раньше Воробьёвской канаве. По службе задерживались за полночь. До места иногда добирались на рабочих трамваях.

Однажды – было это в конце лета – вышли они глухой ночью на улицу. Вдруг слышат – стукоток «рабочки». Замахали руками, подсветились фонариком, вагоновожатая заметила, притормозила, и они, трое служивых, на ходу завалились на платформу.

Федюшка Ястребов форму носил, но к тому времени всё ещё без погон и портупеи, потому личное оружие держал не в кобуре, как другие «смершевцы», а в кармане галифе. Вот это и подвело его. Пистолет «ТТ» во время броска на платформу из кармана выскользнул. И если бы не Абрамов – не миновать бы Федюшке беды.

Как тут не вспомнить кинофильм «Место встречи изменить нельзя» и капитана Жеглова, который учил уму-разуму фронтового разведчика старшего лейтенанта Шарапова, когда у того с рабочего стола пропала папка с документами? Жёстко учил, не по-товарищески. Все жилы вытянул, прежде чем преподал «урок», вызвав в «ученике» естественное чувство неприязни. Абрамов же,

сознавая неопытность младшего собрата, отдал обронённый тем пистолет сразу, тут же на ночной платформе, хотя внушение, конечно, сделал, дабы он, сотрудник «Смерша», впредь «карман шире не держал», «варежку не раскрывал», а был всегда начеку и упреждал подобные промахи.

Чем грозила в военное время потеря табельного оружия? Серьёзной разборки было бы не миновать. За утерю документов – и личных, которыми мог воспользоваться враг, а особенно служебных, и тем паче секретных – дело могли «раскрутить на полную катушку». До расстрела, может, и не дошло, но срока было бы не миновать. А скорее всего, сняли бы погони и наладили рядовым в штрафную роту искупать вину кровью. За утерю боевого оружия наказание полагалось меньше. Но уж по головке-то точно не погладили, не считаясь ни с возрастом, ни с опытом. А если бы этот «ТТ» угодил в какую-нибудь криминальную историю – и подавно. Время-то военное было, строгое: проштрафился – отвечай!

Рискуя жизнью ради истины

Какими упырями – ни больше ни меньше – называют офицеров «Смерша» нынешние лихие, не нюхавшие пороху, но вся и всё знающие киношники. Да, были в той среде формалисты, которые фабриковали дела, особенно не докапываясь до истины, были и костоломы, и подлинные садисты.

Жестокость иных особистов подтверждает и Абрамов. Оглядываясь на прошлое, он всматривается в лица ветеранов, собравшихся на юбилей, и не может сдержать гнева: «...Кое-кто из контрразведчиков ковал победу, обезвреживал врага... Но сколько среди них костоломов, тюремщиков, палачей...» (Дневник от 26 апреля 1975 года).

И всё же, всё же... Образ его литературного героя, следователя контрразведки – олицетворение совестливости и чести; пример его, Абрамова, собственный; примеры его сослуживцев, с которыми он запечатлён на фотографиях, свидетельствуют о другом. Этих людей система гнула, однако же не сломала, не лишила человеческих качеств – порядочности, честности, чувства справедливости. А иные из них во имя истины, за которой стояла человеческая судьба, её будущность, нередко рисковали собственной жизнью.

Следственные истории, как правило, были связаны с местами недавних боёв, которые кишели недобитыми гитлеровцами, где хозяйничали банды бандеровцев и головорезы «Армии Крайовой». Это было подлинное пекло. Но чтобы отыскать сви-

детелей и участников событий, фигурировавших в деле, найти доказательства невиновности подозреваемого, снять с подследственного обвинение, нередко приходилось отправляться именно туда.

На счету Фёдора Ястребова было несколько подобных командировок, из которых он мог не вернуться. Одна из них по месту и времени совпадает с событиями романа Владимира Богомолова «Момент истины». Последний этап этой командировки составлял 50 километров: от белорусского местечка Янов Полесский – на северо-восточную окраину Вольни, в городок Любешев (это уже Украина).

Сдав оружие, документы в местных органах, Фёдор облачился в неприметную гражданскую одежду и на рассвете отправился в путь. Шёл ходко, ориентируясь не столько по выученной схеме, сколько доверяясь обострившемуся до предела чутью. То скорым шагом, то затаиваясь, то бегом. Миновал Пословский лес, набитый бандеровцами, к полудню достиг Днепро-Бугского канала. Памятуя о предупреждении, что через плотину переходить нельзя – там оуновский информатор, – канал переплыл, держа узелок с одеждой над головой. Все просёлочные дороги были блокированы бандеровцами, шёл, петляя, как меж Сциллой и Харибдой: справа – просёлок, слева – узкоколейка. В одном месте едва не вскрикнул, наткнувшись на труп: повешенный висел вниз головой, живот его был вспорот, вокруг лениво жужжали сытые мухи...

Под вечер, через восемь часов скорого хода, он достиг деревни, от которой до цели оставалось 5 километров. И тут его задержали «ястребки» – охотники за бандеровцами. Вроде свои. Но открываться – кто и зачем? – он не имел права. Тем более что обострённым чутьём следка почувствовал: не все из них те, за кого себя выдают. Решительно достал справку, что он направляется на помощь медикам, борющимся с эпидемией дизентерии. А ещё сделал свирепый вид и обрушил на вооружённый пикет нешуточные угрозы, мол, в случае чего не сносить им головы. Командир «ястребков» приказал подчинённым доставить задержанного в Любешев. Конвоировали его молодые хохлы. Судя по их действиям, это были засланные бандеровцы. Всю дорогу они лупили Федюшку прикладами и выпытывали, кто он на самом деле.

В Любешеве Ястребов доложил начальнику горотдела НКВД, сообщив тому переданный по радио пароль. Из первого разговора выяснилось, что свидетелей, которых он ищет, нет в живых. Но Федюшка на тот момент настолько выбился из сил – 9 с половиной часов опаснейшего 50-километрового пути просто валили с ног, – что в ответ

не выразил ни удивления, ни озабоченности.

Разбудили парня земляные блохи и тотчас раздавшийся сигнал тревоги. Оказалось, что на городок наступает банда, в ней 600 человек, а в Любешеве только 300 защитников. Ему сунули в руки автомат и затолкали в куст терновника: «Полезут – пали!» Ожидание атаки длилось несколько часов. Поняв, что внезапного нападения не выйдет, банда не рискнула идти на приступ.

На следующую ночь Федюшку мобилизовали в засаду. Теперь чекисты ловили главаря бандеровцев по кличке Учитель, который, как донесла разведка, ожидался в гости к зазнобе. Ястребов затаился в кустах близ хаты, сжимая ППШ, и вглядывался в кромешную тьму. На крыше время от времени чокал аист. Вдруг послышался шорох. Мимо пробежала собака, и тотчас раздался лай. По этому злобному, остерегающему лаю хозяин собаки понял, кто ждёт его прежде подружки, и от расставленной ловушки улизнул.

Та командировка изрядно затянулась, но свою главную задачу Ястребов всё-таки выполнил. Не найдя намеченных свидетелей, он отыскал других, и их показаний вполне хватило, чтобы оправдать подозреваемого, которому грозила «высшая мера».

А бывал ли в подобных командировках следователь Абрамов? Этот вопрос я задал Фёдору Ивановичу уже в письме. Ястребов выразил сомнение: Абрамов после фронта всё ещё прихрамывал; ноги, перебитые разрывными пулями, не позволяли долгих маршей...

Свидетельств дальних командировок Абрамова действительно нет. Но ведь Ястребов попал в «Смерш» весной 1944 года, когда Абрамов почти год прослужил там. Как раз на тот период приходится освобождение от оккупантов Брянской области, в лесах которой базировался тот самый партизанский отряд...

И ещё. В дневнике от конца января 1944 года Абрамов отмечает, что его захватила драматургия. В свободные минуты он читал – кто бы мог подумать! – норвежского драматурга Ибсена. Что именно читал, не упоминается – драмы ли на сюжеты скандинавских саг – «Бранд» или «Пер Гюнт»? Или драмы социально-критического характера – «Кукольный дом», «Враг народа»? Но это не главное. Важно другое. Сюжет драмы, которую Абрамов в результате стал разрабатывать, был о войне, о людях прифронтовой деревни, а потом, возможно, оккупированной, то есть не исключено, находившейся в пределах той самой Брянской области, где он в ходе следствия мог побывать.

* * *

Служба в «Смерш» закончилась для Фёдора Абрамова осенью 1945 года. По ходатайству ректора ЛГУ его демобилизовали из армии, и он вернулся в Ленинград, чтобы закончить прерванную войной учёбу.

Но память о годах службы в военной контрразведке не оставляла его до конца жизни. Он интересовался послевоенной судьбой сослуживцев и, узнавая о горьких, а подчас трагических финалах, вновь и вновь обращался к повествованию о войне.

Вместо послесловия

На снимке запечатлены сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» Беломорского военного округа, с которыми служил Ф. А. Абрамов. Снимок сделан в Петрозаводске весной 1947 года. Автор фото Ф. И. Ястребов. А вот его, Фёдора Ивановича, пояснения, сделанные 30 ноября 2009 года:

«Хочу заранее предупредить, что данные об этих сотрудниках я привожу по памяти, т. к. никогда не вёл дневниковых или каких-либо других записей. Однако постараюсь не ошибиться.

На снимке (слева направо) в первом ряду сидят: в фуражке старший следователь Клавдий Егорович Кашунин, 1920 г. рождения, уроженец г. Мезени Архангельской области. Умер в 1978 году в г. Таллине, будучи начальником Особого отдела КГБ дивизии. Похоронен там же.

Рядом с ним, справа, оперуполномоченный, лейтенант Николай Кузнецов. Правее подполковник, начальник отделения кадров Алдонин. Далее сидит (в фуражке) начальник ОКР «Смерш» генерал-майор Илья Иванович Головлёв. Через небольшой промежуток полулежит полковник Алексей Васильевич Васильев. О Головлёве мне известно, что в 1984 году он был отозван в Москву и назначен на должность начальника Управления КГБ по Воронежской области. Что касается полковника Васильева, то с ним в 1949 году произошло что-то непонятное. Его вызвали в Москву и уволили из органов госбезопасности якобы за сокрытие своего кулацкого происхождения при оформлении на работу. Кстати, я тогда был в московской служебной командировке, видел его, но не разговаривал, было это в гостинице КГБ на площади Маяковского. Васильев был неузнаваем: сверхутомлённый, поникший, ко всему безучастный, на нём лица не было. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

На снимке рядом с Васильевым полулежит подполковник Иван Михайлович Чернышов, начальник первого отделения. Бывший директор сред-

ней школы, уволился из контрразведки и вернулся на прежнюю работу в Архангельской области.

Крайний справа, полулежит и улыбается следователь, лейтенант, архангелогородец Михаил Парфёнов. Он был прекрасным парнем: мы с ним дружили, вместе проводили свободное время, дурачились, озорничали. Не случайно Ф. А. Абрамов в одном из писем в ноябре 1976 года сообщил о его смерти; Фёдор Александрович добавил при этом, что узнал о кончине Миши Парфёнова от Павла Родионовича Перова, который, кстати, на фотоснимке стоит в полный рост, прямо за спиной Миши Парфёнова.

Старший оперуполномоченный, ст. лейтенант П. Р. Перов мнил себя самым красивым мужчиной в Отделе; будучи женатым, имея двоих детей, позволял себе блудить, напиваться «в стельку» и, что хуже всего, хамить своим сослуживцам, оставаясь при этом работником отделения кадров. Под конец жизни спился. Будучи начальником Особого отдела КГБ одного из противоздушных соединений под Ленинградом, в звании подполковника Перов скоропостижно скончался, о чём я узнал от Ф. А. Абрамова в 1980 году.

Слева от Перова на фотоснимке стоит старший следователь Николай Буев, коренной архангелогородец, женатый, очень семейный человек. Запомнился странностью: писал слово «мать» без мягкого знака и пытался спорить, что так надо.

Рядом с ним, прислонившись к стволу ели, стоит лейтенант 1-го отделения, оперуполномоченный Юрий Щеглов, весьма жизнерадостный и активный человек, уволенный из контрразведки в один год с полковником А. В. Васильевым и по той же причине – «сокрытие кулацкого происхождения при поступлении на работу в органы госбезопасности».

Юра Щеглов на снимке изображает «козу» над головой капитана, старшего оперуполномоченного Константина Курашова, впоследствии прославившегося тем, что в поездке по грибы, под Петрозаводском, умудрился отстать от сослуживцев, проблуждать в лесу почти двое суток, после чего выйти на погранзаставу и быть объявленным «найденным» в результате большой поисковой операции.

Между Костей Курашовым и Мишей Парфёновым на снимке просматривается лицо особоуполномоченного, капитана Прокопия Тропникова, особо нелюбимого сотрудниками ОКР «Смерш» за его должность, обязывающую надзирать за ними днём и ночью. Слева от ствола ели сидит в тубетейке Иван Петрович Шайтанов, начальник архивного отделения, коренной арханге-

логородец, самый пожилой человек в Отделе, очень скромный, приветливый сотрудник в звании капитана. Рядом с ним слева секретарь партийной организации, майор Михаил Васильевич Голубев, бывший директор средней школы в Подмоскowie. Голубева постигла весьма трагическая судьба. Сначала из-за врачебной ошибки погибла в страшных мучениях красавица жена Лида, затем попал под поезд призванный в армию единственный сын Юрий. Позже тяжело заболел и умер сам Михаил Васильевич.

Впереди лысого М.В.Голубева сидит смеющийся шофёр начальника Отделения Аркадий Кривенко, солдат срочной службы, вскоре уволенный в запас. Рядом с ним слева Александр Коротков, старший лейтенант, комендант Отдела, живший в Петрозаводске с женой и двумя детьми, в одном доме со мной. Слева от Короткова два улыбающихся офицера, и справа, чуть за спиной у Короткова, тоже два улыбающихся сотрудника, фамилии которых я вспомнить не смог.

Крайний сверху, кто сфотографирован на снимке, это подполковник Дмитрий Фёдорович Скарин, начальник оперативно-розыскного отделения ОКР «Смерш» АрхВО. Он стоит на заднем плане фотоснимка в штатском пиджаке, как всегда, чем-то удручённый. До войны, будучи преподавателем истории в старших классах средней школы, Дмитрий Фёдорович безумно влюбился в свою ученицу и, с согласия её родителей, женился на ней. К началу войны у них уже было два сына. Проживала его семья где-то в центре России. После войны Д.Ф.Скарин служил в военной контрразведке в Крыму. К 1963 году дослужился до должности начальника Особого отдела КГБ армейского корпуса в Симферополе, в звании полковника. В октябре 1963 года я должен был принять от полковника Скарина должность начальника Особого отдела КГБ армейского корпуса, в связи с его болезнью и по выслуге лет.

Но судьба распорядилась иначе, и самым худшим образом для Дмитрия Фёдоровича.

В середине октября 1963 года весь личный состав армейского корпуса из Симферополя в срочном порядке был переброшен на советско-китайскую границу, что было вызвано обострением межгосударственных отношений и какими-то планами советского командования. Разумеется, больной полковник Скарин оказался там в тяжёлом положении. Все ранее существовавшие вдоль границы оборонительные сооружения, штабные и казарменные помещения, по прежней договорённости с китайцами, давно были взорваны. Стояла стужа. Прибывший армейский кор-

пус вынужденно расположился в палатках и землянках. В декабре 1963 года полковник Скнарин в тяжелейшем состоянии был доставлен в Симферополь и вскоре умер от воспаления лёгких.

Сменить его накануне отправки армейского корпуса на советско-китайскую границу мне не дал мой тогдашний начальник генерал-майор Даниил Павлович Носырев. Узнав от московских кадровиков о моём возможном назначении, он приказал снять меня с поезда, в котором я возвращался из Москвы к месту службы (в Кандалакшу) и доставить к нему в кабинет, где устроил мне жуткую взбучку, обвинив в попытке «дезертировать» из Ленинградского военного округа. Через 15 дней, встретившись со мной в одном из коридоров Большого дома и узнав, что я иду к нему с докладом, Даниил Павлович пригласил меня пообедать в генеральской столовой и там поговорить. Собственно за обедом и состоялся мой доклад, которым Даниил Павлович остался весьма доволен. Когда мы пришли в его кабинет, Даниил Павлович спросил, знаю ли я о судьбе армейского корпуса. Я не знал. Он меня просветил и спросил, не хочу ли я сказать ему спасибо. Вообще, я был его любимчиком, о чём он сам однажды сказал на годовом совещании.

Всё это время, пока я печатаю данное пояснение на югославской пишущей машинке, подаренной мне Фёдором Александровичем Абрамовым, на столе лежит групповой фотоснимок. Вспом-

нил ещё одно имя. За спиной полулежащего полковника Васильева виднеется лицо с надвинутой на глаза кепкой. Это начальник второго оперативного отделения подполковник Елисеев. Если не ошибаюсь, Владимир Николаевич в органы контрразведки был призван из какого-то высшего учебного заведения, был довольно-таки замкнутым и необщительным человеком. Уволился со службы в конце 1947-го или начале 1948 года.

На снимке, по понятным причинам, нет меня и Ф.А.Абрамова. Я фотографировал группу сотрудников военной контрразведки, а Фёдор Александрович в эту пору уже грыз науку в стенах Ленинградского университета. Нет на снимке и нашего близкого друга, Василия Андреевича Новосёлова, 1922 года рождения, уроженца Кировской области, следователя ОКР «Смерш» АрхВО. После войны он какое-то время работал на траловом флоте в Мурманске, простудился, тяжело болел и умер. Похоронен в Мурманске. Почему его не оказалось на групповом снимке, я не знаю. Мне известно, что весной 1947 года он ещё служил».

Архангельск–С.-Петербург–Выборг–Архангельск

□

Михаил Константинович ПОПОВ (1947) –

уроженец Русского Севера.

Автор двух десятков книг – прозы, публицистики,

литературоведческих работ.

Пишет для взрослых читателей и детей.

Его произведения переведены

на основные скандинавские языки, а также на английский.

Лауреат ряда премий:

Всероссийской литературной им. Б.В.Шергина (2005),

Всероссийской литературной им. И.А. Гончарова (2007),

Международной премии им. М.А.Шолохова (2008).

Член Союза писателей России.

Главный редактор литературного журнала «Двина» (Архангельск).

В «Севере» печатается с 1990 года.

